

Глава 1

Шотландия, начало лета 1478 года

Чем это так воняет? Даже сквозь сон Торманд Мюррей чувствовал отвратительный запах, бивший ему прямо в нос. Не открывая глаз, он попытался отодвинуться от этой мерзости, но голову тут же пронзила дикая боль. Торманд застонал и проснулся окончательно. Лежа на боку, он осторожно ощупал голову и практически сразу нашел источник боли. На затылке, под коркой из спекшейся крови и спутанных волос, пальцы Торманда нащупали огромную шишку. Кровотечения не было — значит, он довольно долго находился без сознания, возможно, несколько часов.

Он лежал, ожидая, когда хоть немного утихнет боль, затем попытался открыть глаза. Теперь острая резь ударила по векам, и Торманд выругался. Да, похоже, он ранен серьезнее, чем предполагал, кровь буквально залила его глаза и, засохнув, накрепко склеила ресницы. Мелькнуло смутное воспоминание — некто бросает что-то ему прямо в лицо, потом темнота и провал. Этой мимолетной

картинки оказалось явно недостаточно, чтобы получить более определенное представление о том, что с ним произошло.

Некоторое время Торманд лежал, собираясь с духом. Он вынужден был признать, что не только боязнь очередного взрыва боли, но и страх, что попытка открыть глаза окажется тщетной, не позволяли ему с силой разлепить веки, пусть даже и рискуя вырвать себе ресницы. Наконец медленно и осторожно он начал отдирать с век присохшую корку и уже через несколько минут смог слегка приоткрыть глаза. Стараясь не двигаться, Торманд попытался осмотреться, узнать, нет ли поблизости какой-нибудь лохани с водой, ему срочно нужна была вода, и не только для того, чтобы промыть глаза, — похоже, ему самому надо было хорошенько вымыться, поскольку, кажется, именно он являлся источником этого смрада. Ведь, чего греха таить, бывало, что после очередной попойки от него поутру воняло, как от выгребной ямы. Но такого смрада еще никогда не источало его брненное тело.

И тут он вдруг узнал этот запах. Это был запах смерти. К мерзкому запаху грязной одежды примешивался запах крови — большого количества крови. Гораздо большего, чем могло вытечь из его ран на голове.

Секунду спустя Торманд понял, что лежит без одежды. На мгновение его охватила паника. Может, его сочли убитым и бросили в яму вместе с телами бродяг? Но Торманд быстро отогнал эту мысль, ведь под собой он ощущал не мокрую глину и не окоченевшую плоть, а прохладную ткань мягкой постели. «Наверное, из-за

проклятого смрада я слегка повредился в рассудке», — раздраженно подумал Торманд.

Наконец ему удалось полностью разлепить веки, но резкий свет так полоснул его по глазам, что Торманд зажмурился, замычав от боли. Через несколько минут глаза перестало жечь, и он осторожно приподнял веки. Все вокруг выглядело слегка расплывчатым, но ему удалось рассмотреть роскошную спальню, которая показалась ему удивительно знакомой. Сердце Торманда, гулко стукнув, испуганно замерло, и ему вдруг расхотелось обнаруживать источник страшного запаха. Судя по тому, что в той части спальни, куда был направлен его взгляд, сохранился идеальный порядок, борьбы или какой-то схватки с неизвестным противником не было.

«Если в этой комнате лежит мертвец, тебе, парень, лучше выяснить это. Возможно, придется поскорее уносить ноги», — прозвучал у него в голове голос, удивительно похожий на голос сквайра Уолтера, и Торманду пришлось согласиться с ним. Не заметив в видимой части комнаты никаких признаков смерти, он, переборов свое нежелание узнать правду, повернулся. Зрелище, представшее его слезившимся глазам, заставило Торманда издать возглас, очень похожий на тот, который издавала его племянница Эйни всякий раз, когда видела паука. Сама смерть делила с Тормандом ложе.

Он так резко отшатнулся от трупа, что едва не свалился с постели. Стараясь не шуметь, Торманд осторожно поднялся и сразу же увидел стоявший на маленьком столике глиняный кувшин. Расплескивая

воду, он ополоснул глаза, с облегчением чувствуя, как стихает резь и уходит раздражающая расплывчатость. Первое, что он увидел, когда наспех вытер лицо, была его одежда, аккуратно сложенная на стуле. Создавалось впечатление, что Торманд пришел в эту спальню как гость и по собственному желанию. Он торопливо накинул на себя одежду и еще раз осмотрел комнату в поисках следов своего присутствия, затем собрал свое оружие и взял плащ.

Понимая, что ему неизбежно придется вновь взглянуть на мертвое тело, он собрался с духом и подошел к кровати. Взглянув на то, что еще совсем недавно было красивой женщиной, Торманд почувствовал, как к горлу подступила тошнота. Тело было настолько изуродовано, что ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, что он видит перед собой останки леди Клары Синклер. Он понял это, когда увидел всклокоченные слипшиеся пряди некогда светло-золотистых волос, уставившиеся в пустоту широко распахнутые голубые глаза и сердцевидную родинку, сиротливо темневшую над страшной раной, оставшейся на месте ее левой груди. Лицо женщины было так изуродовано, что даже собственная мать вряд ли смогла бы узнать Клару без этих примет.

Необходимое ему хладнокровие постепенно возвращалось, и Торманд смог внимательнее осмотреть погибшую. Несмотря на то что лицо Клары было изуродовано, по перекошенному от ужаса и боли рту можно было определить, что эти страшные раны, или по крайней мере часть из них, женщина получила, когда была

жива. Бегло осмотрев запястья и лодыжки леди Клары, Торманд убедился, что женщину связывали и что она, скорее всего, безуспешно пыталась освободиться от этих пут; это усилило самые мрачные предположения Торманда. Либо бедняжка Клара располагала некоей информацией, которую какой-то негодяй с помощью попыток пытался выведать у нее, либо ей довелось встретиться с человеком, ненавидевшим ее лютой, убийственной ненавистью.

Но этот неизвестный также ненавидел и его, внезапно понял Торманд и внутренне подобрался, готовый к любой неожиданности. Он знал, что никогда бы не появился в спальне Клары ради любовных игр. В прошлом она была его любовницей, но их связь закончилась, а расставшись с женщиной, Торманд никогда не возвращался к ней. И уж тем более он не мог вернуться к той, что стала супругой такого могущественного и ревнивого человека, как сэр Раналд Синклер. А это означало лишь одно: кто-то притащил его сюда — наверняка тот, кто хотел, чтобы Торманд увидел, что сделали с женщиной, с которой он некогда делил постель, а возможно, и для того, чтобы именно его обвинили в этом зверском убийстве.

Эта мысль заставила его сосредоточиться и собраться с силами.

— Бедная Клара, — пробормотал он. — Молю Бога, чтобы не я стал причиной твоих страданий. Возможно, ты была излишне тщеславной, не отличалась особым умом и высокой нравственностью, но такой участи ты, конечно, не заслужила.

Он перекрестился и, прочитав короткую молитву над ее телом, взглянул в окно на быстро светлеющее небо. Надо было немедленно уходить.

— Мне очень хотелось бы позаботиться о тебе, дорогая, но я не могу этого сделать, потому что, похоже, именно на меня хотят возложить вину за твою смерть. Клянусь, я найду тех, кто так жестоко убил тебя, и они мне дорого заплатят за это.

Тщательно проверив, что в спальне не осталось никаких следов его присутствия, Торманд выскользнул из комнаты. Тот, кто совершил это гнусное преступление, не учел одного: Торманд знал все потайные входы и выходы этого дома. Его связь с Кларой была непродолжительной, но весьма бурной, и ему много раз доводилось тайком проскальзывать в этот особняк. Даже сэр Раналд, получивший этот великолепный дом в качестве приданого Клары, вряд ли знал все тайные ходы, ведущие в спальню его молодой жены.

Оказавшись на улице, Торманд быстро нырнул в полумрак раннего рассвета. Он стоял, прислонившись к высокой каменной стене, окружающей дом Клары, и раздумывал, куда ему теперь держать путь. Мелькнула мысль забыть обо всем и срочно отправиться домой в Дублин, но Торманд знал, что так не сделает. Даже несмотря на то что он никогда по-настоящему не любил Клару — кстати, именно поэтому их бурная связь так быстро окончилась, — он теперь всегда будет помнить, как зверски убили эту женщину. А если его предположение верно и все было сделано для того, чтобы его обвинили в убий-

стве Клары, обнаружив подле мертвого тела, тогда он просто не имеет права забывать об этом.

И все же прежде всего Торманд решил отправиться домой. Он до сих пор чувствовал запах смерти на своей одежде. Возможно, ему это только казалось, но Торманд понимал, что только приняв горячую ванну и сменив одежду, он сможет избавиться от этого ощущения. Пробираясь домой, Торманд сожалел лишь о том, что никакая ванна не сможет смыть из его памяти вид изувеченного тела бедняжки Клары.

— Ты уверен, что надо кому-то об этом рассказывать?

Отломав кусок сыра, Торманд внимательно посмотрел на своего немолодого товарища. Уолтер Бернс был его сквайром в течение двенадцати лет, и это его более чем устраивало. Бернс был рекомендован Торманду тем человеком, который его самого посвятил в рыцари в нежном юношеском возрасте — в восемнадцать лет. Это была славная битва, и Уолтер доказал, чего он стоит. Но, к удивлению окружающих, отказался принимать посвящение в рыцари. Он не испытывал ни малейшего интереса к славе, почестям и обязанностям, которые являются неотъемлемой частью рыцарского звания. Тогда-то сэр Макбейн и направил его к Торманду. Уолтер продолжил службу, не раз доказывая свою храбрость, и полностью был удовлетворен скромным положением сквайра. Однако в данный момент он чувствовал себя подавленным.

— Мне необходимо узнать, кто это сделал, — жестко произнес Торманд и сделал глоток эля. Голод и

жажда мучили его, но он ел и пил совсем понемногу, поскольку страшная картина все еще стояла у него перед глазами, вызывая отвратительную тошноту.

— Но зачем? — Уолтер сел рядом с Тормандом и налил себе немного эля. — Ты выбрался оттуда. Уже почти полдень, и никто не ломится в дверь, крича об отмщении. Так что я склонен думать, что тебе удалось выйти сухим из воды. Зачем кому-то знать, что ты был там? Зачем совать голову в петлю? Насколько я помню, как только твоя страсть угасла, Клара перестала казаться тебе привлекательной. Стоит ли пытаться ради нее восстановить справедливость?

— Как ни печально, но это правда — я не любил ее. Но все же леди Синклер не заслуживала такой жуткой смерти.

Уолтер поморщился и лениво потер рваный шрам на левой, изрытой оспинами щеке.

— Согласен, но я все равно уверен: как только кто-нибудь узнает, что ты был в ее спальне, тебя сразу обвинят в убийстве.

— Мне хотелось бы думать, что мало кто поверит, что я мог сотворить с женщиной такое, даже если бы меня нашли лежащим в ее крови и с кинжалом в руке.

— Конечно, ты никогда бы такого не сделал, и многие в этом убеждены, но это не всегда помогает. Станет ли власть вести расследование, если так просто провозгласить тебя убийцей и повесить? И потом есть люди, которые завидуют тебе и твоему роду и которые с превеликим удовольствием избавились бы от одно-

го из вас. Да вот возьми хотя бы историю своего брата Джеймса. Любой, кто его знал, понимал, что Джеймс не мог убить свою жену, и тем не менее как женоубийца он был объявлен вне закона и в течение нескольких лет бедолаге пришлось скрываться.

— А я-то думал, что держу тебя при себе для того, чтобы ты вселял в меня надежду и смелость, ободрял меня, особенно когда мне так необходима поддержка.

— Послушай, тебе не стоит оттачивать на мне свой язвительный язык. Я просто говорю правду. Прислушайся к ней, и ты проявишь не свойственную тебе мудрость.

Торманд осторожно кивнул, голова все еще продолжала побаливать.

— Я и собираюсь сделать это. Именно поэтому я решил поговорить только с Саймоном.

Уолтер тихо выругался и сделал большой глоток.

— Ох, он ведь человек самого короля.

— Да, и мой друг. И он очень многое сделал, чтобы помочь Джеймсу. Слава богу, у него настоящий дар разрешать подобные загадки и находить истинных виновников. Дело не только в том, чтобы восстановить справедливость в отношении Клары. Уолтер, пойми, кто-то хотел, чтобы меня обвинили в ее убийстве. Меня должны были найти рядом с ее телом всего в крови. Любой суд обвинил бы меня в этом преступлении и приговорил к виселице. А это значит, что кто-то хочет моей смерти.

— Верно. И хочет не просто смерти, а казни, ведь в этом случае твое имя будет опозорено.

— Точно. Поэтому я и послал за Саймоном, передав, что мне крайне необходимо видеть его по неотложному делу.

Торманд был доволен, что в этих его словах звучит гораздо больше уверенности, чем он испытывал на самом деле. Несколько часов ему потребовалось, чтобы составить весьма нехитрый план действий и написать письмо Саймону. Голос рассудка, твердивший, что нужно просто забыть об этом деле — а именно это и предлагал Уолтер, — становился слишком громким, чтобы его можно было игнорировать. И только уверенность в том, что это страшное дело имеет гораздо большее отношение к нему, чем к Кларе, заставила замолчать этот трусливый голос.

Кроме того, Торманд подозревал, что и неприятная тошнота отчасти вызвана все возрастающим страхом, что его самого ожидает участь бедняги Джеймса. Его названному брату потребовалось три долгих года, чтобы доказать свою невиновность и смыть позорное пятно обвинения. Три долгих года Джеймс провел в бегах. Торманд боялся даже подумать, что злая судьба может и его затянуть в такое же страшное болото. А как все это отразится на его матери, которая и так состарилась раньше времени, переживая за своих детей. Сначала избили и изнасиловали его сестру Сорчу, потом дважды похищали вторую сестру Джиллиан, принудив ее к замужеству после повторного похищения. А потом случилось то несчастье, и Джеймс был вынужден бежать и искать убежища в горах. Нет, нельзя, чтобы его мать опять страдала из-за того, что ее сын оказался втянутым в такую жуткую историю.

— Если бы отыскать какую-нибудь вещь, к которой прикасался убийца, нам наверняка удалось бы разгадать эту загадку, — сказал Уолтер.

Торманд, молча размышлявший над тем, что, возможно, на их семью пало чье-то проклятие, отвлекся от своих мрачных мыслей и хмуро посмотрел на сквайра:

— О чем ты говоришь?

— Я повторяю: если бы у тебя было что-то, к чему притрагивался преступник, мы могли бы отнести эту вещь к Росс — колдунье.

Торманд слышал о ней. Эта женщина жила в крошечном домике в нескольких милях от города. И хотя десять лет назад именно горожане вынудили ее покинуть город, многие по-прежнему обращались к ней за помощью, главным образом за лечебными травяными отварами, которые она готовила. Некоторые люди утверждали, что у женщины бывают видения, которые помогали ей решить их проблемы. Несмотря на то что в окружении Торманда было немало людей, обладавших особыми способностями, он не очень-то верил, что колдунья действительно может творить настоящие чудеса. Чаще всего могущественные и страшные колдуньи оказывались просто умудренными жизненным опытом женщинами, которые хорошо разбирались в лечебных травах и могли убедить окружающих, что обладают некоей загадочной силой.

— А с чего ты взял, что она сможет помочь, если я принесу ей такую вещь?

— Потому что она, взяв ее в руки, способна узнать правду. — Уолтер быстро перекрестился, словно боясь, что, даже упоминая об этой женщине, он рискует сво-

ей бессмертной душой. — Старик Джордж, управляющий в доме Гиллеспи, рассказывал мне, что когда у леди Гиллеспи похитили кое-какие драгоценности, их светлость отвезла шкатулку, в которой хранились украшения, колдунье Росс, и как только та взяла коробку в руки, то ей было видение и она сразу узнала, как это произошло и кто это сделал.

Уолтер замолчал, и Торманд спросил:

— И что же открылось колдунье?

— Что драгоценности взял старший сын леди Гиллеспи. Прокрался в спальню их светлости, когда она была при дворе, и забрал все самые ценные украшения.

— Чтобы узнать это, и к гадалке ходить не надо. Всем, даже детям, известно, что старший сын леди Гиллеспи тратит слишком много золота на шикарную одежду, женщин и игру в кости. — Уолтер обиженно насупился, и Торманд, чтобы скрыть невольную усмешку, отхлебнул эль. — Теперь я знаю, почему парня отправили под надзор деда — здесь, при дворе, для него слишком много соблазнов.

— Хорошо, но попытаться-то стоит. У человека в твоём положении выбор не слишком-то велик.

— Вера верой, но для начала перестань называть Росс колдуньей. Такая слава может погубить женщину, которую Бог наградил особым даром.

— Пожалуй, ты прав. А как ты думаешь, это действительно Божий дар?

— Разве можно представить, что дьявол дал кому-то способность исцелять, распознавать скрытое от глаз или каким-то иным образом помогать людям?

— Нет, конечно. Так почему же ты сомневаешься в ней?

— Потому что многие из этих знахарок, зная лечебные свойства некоторых трав, бахвалятся тем, что могут исцелять любые болезни, видеть будущее или общаться с духами. Но все это делается только для того, чтобы опустошить кошелек какого-нибудь доверчивого глупца. Они нагло лгут, и нередко их ложь осложняет жизнь тех, кто действительно обладает таким даром.

Уолтер на мгновение нахмурился, очевидно, обдумывая услышанное, затем спросил:

— Так, значит, мы не будем обращаться к этой Росс?

— Пожалуй, нет, я, слава богу, не в настолько безнадежном положении.

— А я на твоём месте не стал бы отказываться от любой помощи. — Низкий голос раздался из дверного проема коридора.

Торманд оглянулся, но появившаяся было улыбка моментально угасла. В данный момент сэр Саймон Джеймс Иннес до кончиков ногтей выглядел официально — истинный представитель короля. Взглянув на его бледное, искаженное холодной яростью лицо, Торманд сразу понял, что Саймону уже известно, почему за ним послали. Что еще хуже, ему показалось, что его друг очень сомневается в его невиновности. Понимание этого причиняло острую боль, но Торманд сразу же твердо решил подавить чувство обиды, по крайней мере до тех пор, пока они с Саймоном не поговорят. Этот человек не только был его дру-